

Е. КЕЛЬЧЕВСКІЙ

ВЪ ЛѢСУ

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ

1 9 3 0

Всѣ права сохранены за авторомъ.

*Tous droits de reproduction, de traduction,
d'adaptation réservés pour tous pays.*

Copyright 1930 by the author

(E. Keltchewsky 71, rue Michel-Ange, Paris XVIe)

10 декабря.

Здѣсь, въ лѣсу, рабочій день кончается рано и не на что убить длинные зимніе вечера. Читать нечего, разговаривать съ сожителями не о чемъ, да и спать они ложатся чуть не сразу послѣ обѣда. Мнѣ же никакъ не удается уснуть до полуночи. Вотъ и сижу передъ тлѣющимъ каминомъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра и къ храпу товарищей. Лучше писать записки, чѣмъ сидѣть сложа руки, глядѣть на огонь и перебирать въ памяти отрывки изъ далекаго и недавняго прошлаго. Чтобы не быть рабомъ своихъ воспоминаній, нужно привести ихъ въ порядокъ и сдѣлать изъ нихъ логическіе выводы; нужно заставить себя и въ окружающей жизни, какъ бы ни была она блѣдна и однообразна, находить смыслъ и содержаніе.

Сегодня нашъ артельный староста, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ мнѣ:

— Съ вашей богатырской комплекціей, да съ вашей наружностью, да съ языками, вы могли бы карьеру сдѣлать, а вы, вотъ, деревья рубите. Русская у васъ натура!

А я съ тѣхъ поръ и чувствую себя хорошо, какъ началъ рубить деревья. Люблю лѣсъ. И даже людей люблю, когда они въ лѣсу.

Когда я пріѣхалъ сюда три мѣсяца тому назадъ,

то походилъ на Каина, только что убившаго брата, а сейчасъ слыву среди товарищей добрымъ малымъ, какъ и въ старые годы. Лѣсъ вылѣчилъ меня и научилъ мудрости. Даже на свою нелѣпую и безпутную жизнь я началъ смотрѣть безъ досады и сожалѣнія, а къ самому себѣ сталъ относиться съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Иначе не смогъ бы я приняться и за эти записки.

Наша лѣсная артель состоитъ изъ пяти бывшихъ людей и двухъ представителей молодого поколѣнія. Отцы и дѣти. Себя я причисляю къ отцамъ.

Артельному старостѣ, Алексѣю Ивановичу Лачинову, лѣтъ за пятьдесятъ; въ прошломъ онъ боевой генералъ и академикъ, человѣкъ слабый здоровьемъ, но сильный духомъ и полный энергіи.

Слѣдующимъ по возрасту идетъ Николай Михайловичъ Бабиновъ, мелкій Саратовскій помѣщикъ, гдѣ только не побывавшій и гдѣ только не служившій, до военной службы включительно; человѣкъ народнаго типа, добродушный, но съ хитрецей.

Потомъ слѣдуетъ Иванъ Ильичъ Костровъ, старый уланскій полковникъ, вѣрный былымъ традиціямъ, взглядамъ и привычкамъ.

Далѣе — Степанъ Степановичъ Куницынъ, бывший прокуроръ, большой говорунъ, кулинаръ и сибаритъ. Онъ вѣдаетъ нашимъ хозяйствомъ и заботится о поддержаніи нашего быта на культурномъ уровнѣ.

Потомъ иду я, Сергѣй Николаевичъ Ретинскій, со-рокалѣтній мужчина тяжелаго вѣса, въ прошломъ — все что угодно: промотавшійся помѣщикъ, недоучившійся агрономъ, недоучившійся инженеръ, неудавшійся актеръ и, наконецъ, гусарскій ротмистръ.

Изъ «дѣтей»: Петя Борзиковъ, худосочный молодой человѣкъ, поэтъ и энтузіастъ, и его пріятель Вася Шумовъ, юноша апатичный и добродушный.

Живемъ мы всѣ вмѣстѣ въ старинномъ охотничьемъ павильонѣ, состоящемъ изъ одной большой комнаты, служащей намъ общей спальней и столовой, и кухни, въ которой, въ качествѣ повара и эконома, помѣщается Куницынъ. Обстановка нашего жилища самая примитивная: большой обѣденный столъ, деревянные стулья, самодѣльные кровати съ соломенными тюфяками; около нихъ столики, сдѣланные изъ ящиковъ; въ углу образъ съ лампадкой.

Мы расчищаемъ подъ паркъ часть лѣса, съ той стороны, гдѣ онъ примыкаетъ къ большому фруктовому саду; садъ же относится къ замку, въ теченіе многихъ вѣковъ принадлежавшему графамъ де Монтроберъ, а нынѣ приобрѣтенному нуворишемъ М-г Пико.

Всѣ члены артели, кромѣ здѣшняго старожила Бабикова и меня, пріѣхали сюда изъ Сербіи, по контракту, на сельско-хозяйственныя работы; я прибылъ изъ Парижа, гдѣ прожилъ до того около пяти лѣтъ.

Платятъ намъ прилично, работаемъ мы самостоятельно, питаемся сносно, не зябнемъ и живемъ другъ съ другомъ въ согласіи, хотя и споримъ иногда, большею частью, на отвлеченныя темы. Всѣ мы холостяки, кромѣ вдовца генерала, семья котораго осталась въ Россіи и прокурора, жена котораго, какъ онъ говоритъ, уѣхала въ неизвѣстномъ направленіи.

Всѣ члены артели, кромѣ меня и Бабикова, собираются рано или поздно перебраться въ Парижъ и поговариваютъ о пріисканіи себѣ подходящей профессіи; прокуроръ рассчитываетъ открыть юридическій кабинетъ, Борзиковъ надѣется разбогатѣть на своихъ поѣздахъ.

А я думаю — какъ бы забраться въ еще большую глушь, да некуда. Когда здѣсь кончатся работы, двинусь куда нибудь въ Верхнія Альпы.

По праздникамъ всѣ, кромѣ Алексѣя Ивановича и меня, подъ предводительствомъ прокурора, уходятъ за три километра въ городъ, обѣдаютъ въ тамошнемъ ресторанѣ и проводятъ вечеръ въ кинематографѣ. Алексѣй Ивановичъ пишетъ письма, а я брожу по лѣсу, или заготавливаю дрова для нашего жилища.

Стоять холодные дни: по утрамъ — легкій морозъ, днемъ — сырой туманъ, сквозь который доносится хлопотливое карканье воронъ, къ ночи поднимается порывистый вѣтеръ. На прогалинахъ все еще держится трава, по мокрымъ древеснымъ стволамъ вьется вѣчно зеленый плющъ, снѣгомъ и не пахнетъ. Это не зима и не осень, а какой-то сонъ природы. Лѣсъ спитъ, и эта окружающая дремота отвѣчаетъ моему состоянію; я какъ бы участвую въ ней и живу съ лѣсомъ одною жизнью. А придетъ весна, повѣетъ между стволами душистымъ тепломъ, задрожать въ прозрачномъ воздухѣ свѣтло-зеленія тѣни, радостные вздохи и шорохи наполнятъ лѣсъ, и какъ бы не сталъ онъ мнѣ чужимъ и враждебнымъ...

Начинаю впадать въ лирику и вижу, что на сегодня довольно. Да и лампа тухнетъ, а керосинъ предусмотрительно спрятанъ у прокурора.

---

11 декабря.

Принимаясь за эти записки, я собирался послѣдовательно изложить свою жизнь, съ цѣлью подвести итоги прошлому, но вижу, что цѣли этой не достигну.

Чтобы подводить итоги, нужно имѣть какой-то критерій для оцѣнки людей и явленій, а критерія у меня не было и нѣтъ. Въ своихъ поступкахъ я руководствовалъ

ся не какими либо правилами, а собственными вкусами, желаніями и капризами, и дѣлалъ это сознательно, находя, что каждый человѣкъ долженъ повиноваться своему собственному внутреннему голосу, а не прислушиваться къ голосу другого человѣка-же, въ концѣ концовъ, будь онъ даже основателемъ философскаго или религіознаго ученія. Если бы всѣ люди поступали по моему, жизнь была бы ярче и разнообразнѣе.

Алексѣй Ивановичъ говоритъ, что тогда люди пожрали бы другъ друга и что мнѣ, при моей физической конструкціи, такой порядокъ вещей былъ бы на руку. А я ему возражаю его же словами, что каждый человѣкъ носить въ себѣ частицу Духа Божія, голосомъ которой является совѣсть; имѣя совѣсть, и я безъ причины не полѣзъ бы съ кулаками на окружающихъ.

Итакъ, мнѣ приходится отказаться отъ подведенія итоговъ. Богъ съ ними. Буду просто записывать свои воспоминанія, мысли и наблюденія, въ какой бы послѣдовательности онѣ не приходили мнѣ въ голову и напередъ даю себѣ слово ничего не вычеркивать и не вырывать изъ этой тетради.

Сегодня Вася Шумовъ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, раньше всѣхъ завалиться спать, принялся за починку своей сломанной гитары и, по общей просьбѣ, спѣлъ нѣсколько романсовъ. Голосъ у него пріятный, гитарой владѣеть недурно, но молодъ онъ и еще ничего не пережилъ.

А впрочемъ, въ его годы чего я только не выдѣлывалъ на гитарѣ. И голосъ былъ. Пѣвалъ и съ цыганскимъ хоромъ, и самъ сочинялъ разныя «застольныя», да «заздравныя».

Не пѣть подъ гитару надо, а говорить, — само споеся.

И теперь бы спѣлъ, да не хочу. И въ руки ее боюсь брать, гитару; словно въ ней притаились всѣ забытыя чары... Не для того я поселился въ лѣсу.

Однако, къ дѣлу:

Родился я въ 89-мъ году. Отца своего, служившаго въ лейбъ-гусарахъ и убитаго на дуэли, когда мнѣ было два года, я не помню; изъ рассказовъ знавшихъ его людей, знаю, что былъ онъ красавецъ собой, большой кутила, бабникъ и бретеръ. Говорю объ этомъ безъ осужденія, — я люблю такихъ людей, а память отца боготворилъ и на портретъ его чуть не молился. Обладаль онъ многими талантами и большими средствами, но не оставилъ мнѣ въ наслѣдство ни того, ни другого. И за это не виню его, — такова была натура.

Мать моя, вышедшая за отца противъ желанія родителей и, вскорѣ послѣ его смерти, снова вышедшая замужъ за своего родственника изъ остзейскихъ бароновъ, была хороша собой, сентиментальна и легкомыслена; имѣя нѣсколькихъ дѣтей отъ второго мужа, она мало занималась мною, да пожалуй и вовсе меня не любила; я тоже, въ концѣ концовъ, сталъ къ ней равнодушенъ, но не безъ борьбы. Вообще, дѣтство у меня было не изъ веселыхъ. Ее, мою мать, я таки отчасти осуждаю; много ли мнѣ требовалось тогда?.. Ну, да не въ этомъ дѣло.

До десятилѣтняго возраста я прожилъ въ домѣ отчима, обращавшагося со мной неважно; я ему платилъ тѣмъ же, категорически отказываясь называть его отцомъ и этимъ, конечно, вооружая противъ себя мать. Съ младшими братьями и сестрой у меня было мало общаго; ихъ какъ бы ограждали отъ меня, вслѣдствіе моего упрямаго характера и испорченности; въ чемъ заключалась послѣдняя — не знаю, ибо въ то время у

меня не было никакихъ скверныхъ наклонностей. Воспитывали меня номинально — гувернантки братьевъ, фактически — моя старуха нянька, остававшаяся въ домѣ, и поварь — бывшийъ деньщикъ отца; первая наполняла мой дѣтскій міръ сказками, второй поддерживалъ во мнѣ культъ отца и прививалъ мнѣ любовь къ лошадямъ, къ саблямъ, къ ташкамъ и т. п.

Когда мнѣ пошелъ одиннадцатый годъ, меня опредѣлили въ кадетскій корпусъ, въ которомъ я и прожилъ семь лѣтъ. Въ первые годы я по праздникамъ ходилъ въ отпускъ въ домъ отчима, а потомъ меня стали брать на лѣтнія каникулы родственники покойнаго отца, жившіе безвыѣздно въ небольшомъ имѣніи въ средней Россіи. Къ нимъ же въ послѣдствіе переѣхала и моя нянюшка.

Объ этомъ періодѣ моего дѣтства запишу въ слѣдующій разъ.

---

12 декабря.

Принято любить свою *alma mater* и дорожить связанными съ нею воспоминаніями; мнѣ же изъ корпусной жизни дорого только то, что выходило изъ рамокъ корпуснаго быта. Оно и понятно; мы всѣ приходили въ корпусъ разными, а насъ всячески старались сдѣлать одинаковыми: одинаково одѣвали, одинаково стригли, одинаково учили и предъявляли всѣмъ намъ и во всемъ одинаковыя требованія, нисколько не считаясь съ нашими индивидуальными особенностями. Насъ упорно обезличивали и дѣлали это не съ военной, а съ педагогической цѣлью, т. е. для нашей-же пользы. Такова была система, унаслѣдованная отъ аракчеевской

эпохи и державшаяся особенно прочно въ старыхъ стѣнахъ нашего корпуса. Результатомъ ея было то, что большинство изъ насъ оказенивалось и внѣшне и внутренно: пріобрѣталась выправка, сѣуживались интересы, притуплялись врожденныя склонности и таланты. Только наиболѣе яркіе характеры не укладывались въ казенныя рамки, но борьба не проходила имъ даромъ.

Я не хочу сказать, чтобы воспитатели и учителя относились къ намъ плохо; отнюдь нѣтъ; отношеніе къ намъ большинства изъ нихъ было такимъ, какого требовала система, т. е. казеннымъ; мы были въ ихъ глазахъ не дѣтьми, а кадетами; ихъ интересъ къ намъ исчерпывался нашимъ «поведеніемъ» и «успѣхами въ наукахъ». До внутренняго склада cadaго изъ насъ имъ не было никакого дѣла.

Они же первые и становились жертвами неестественной системы воспитанія — оказенивались, глупѣли и пріобрѣтали комической обликъ. Не многіе изъ нихъ пользовались въ нашихъ глазахъ авторитетомъ. Строгихъ мы боялись и ненавидѣли, добрыхъ — изводили и дѣлали ихъ жизнь похожей на житіе мучениковъ.

Вторымъ зломъ корпусной жизни была наша полная беззащитность отъ вліянія и произвола старшихъ классовъ, которые могли безнаказанно подвергать насъ всякимъ издѣвательствамъ.

Пожаловаться нельзя было и подумать, отпоръ своими силами грозилъ избіеніемъ до полусмерти, оставалось хитрить, увиливать и по возможности держаться въ группѣ товарищей. Терпѣвшіе отъ старшихъ вознаграждали себя притѣсненіемъ младшихъ, и такой порядокъ вещей складывался въ «традицію».

Въ этой своеобразной обстановкѣ главенство и авторитетъ принадлежали типамъ наиболѣе сильнымъ, или наиболѣе испорченнымъ; хулиганство и цинизмъ